

ТАТЬЯНА ВАЙДУКОВА

Самая лучшая МАМА Земли

ИЛИ ХРОНИКИ ЖИЗНИ В ДВУХ
ИЗМЕРЕНИЯХ

Татьяна Вайдукова
Самая лучшая МАМА
Земли. или хроники
жизни в двух измерениях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16856126

ISBN 9785447440497

Аннотация

Эта книга о женщине, которая всю свою жизнь посвятила детям. Она была не только учительницей начальных классов, но и замечательной матерью четверых детей, а также человеком с большой и светлой душой. Она смогла оставить свой добрый след во многих детских сердцах. Вся ее жизни, увы, смерть, была самоотверженной, героической и ошеломляющей. Это книга воспоминаний автора о ее счастливом детстве, которое стало таковым благодаря любящей и заботливой маме – Вайдуковой Елене Абрамовне.

Содержание

Предисловие. Два измерения. Жизнь до и после	7
Часть первая. Первое измерение. Жизнь «ДО»	9
Вступление	10
Самое начало	13
Мама и папа	26
История о том, как папа познакомился с мамой	28
Подробнее о папе	49
Рождение детей	52
Наточка	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Самая лучшая
МАМА Земли
или хроники жизни
в двух измерениях
Татьяна Вайдукова**

© Татьяна Вайдукова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Два измерения. Жизнь до и после

*Самая лучшая мама Земли —
Самая добрая, светлая самая,
Мы так гордимся что именно ты,
Именно ты – наша мама!
Спасибо за руки твои!
За то, что заботою нас окружила,
И веры своей доброты,
И весь этот мир нам подарила.
(Слова из песни. Автор не известен.)*

Эта книга о самой лучшей маме Земли – о нашей мамочке. «Нет, – возразите вы, – лучшая мама – это моя, а не ваша!» Согласна с вами полностью в том, что для каждого из нас лучшей мамой Земли является наша собственная. Это так же верно, как мы являемся для них самыми лучшими детьми во Вселенной. И если бы мы могли выбирать себе матерей, то, непременно бы, снова выбрали именно своих.

Вся наша жизнь имеет несколько измерений и делится на жизнь «до» и жизнь «после». И точкой преломления из одного измерения в другое является что-то важное в жизни, поворотное, судьбоносное. Женился – вот тебе и поделена жизнь на две части: «до» – это твоя холостяцкая и свободная жизнь, а «после» – все, что после Загса. Родил ребёнка –

и снова на две части: то ты просто никто, а тут у тебя кро-
виночка появилась голосистая, ради которой надо жить. Это
как рождение Иисуса Христа разделило историю человече-
ства на два огромных периода – ДО нашей эры и ПОСЛЕ на-
шей эры. Вот так и линуется наша жизнь по этой шкале раз-
ными важными событиями. То ты просто студент, а тут уже
и инженер – сам деньги зарабатываешь и уже не зависишь
от родителей. И получается опять два отрезка и два измере-
ния в твоей жизни: первый – «потребитель», а второй уже
вроде как «производитель».

Но не только приятными событиями линуется и измеря-
ется жизнь наша. Бывают и очень грустные. Но и они откла-
дывают на нас такой неизгладимый след, от которых мы в раз
взрослеем, умнеем что ли... И переходим из одного измере-
ния в другое. Так случилось и в моей жизни. Всю ее мож-
но поделить на много выше перечисленных частей, но од-
но из событий навсегда изменило и меня, и мой социальный
статус. Когда-то я была ребенком и была «доченькой» для
моей нежно любимой мамочки. Но не стало ее и в жизни мо-
ей резко все изменилось не в лучшую сторону. Статус «до-
ченька» исчез. Никто меня больше не называет этим люби-
мым словом. И я, увы, уже больше никого не могу назвать
любимым словом «мамочка».

Итак, два измерения жизни... Первое – «До» – это жизнь
нашей мамочки и жизнь рядом с ней. И второе измерение –
«После» – это жизнь после ее потери...

Часть первая. Первое измерение. Жизнь «ДО»

Вступление

*Что подарить ей, я не знаю.
Какие почести воздать?
Я вновь колени преклоняю
Пред женщиной, чье имя – мать.*

*С морщинками, чуть-чуть седая,
Пусть ей за 40 – все равно.
Красивая и молодая,
Стареть ей, видно, не дано.*

*Уже большими стали дети,
Стремиться могут и мечтать.
Как хорошо, что есть на свете
Та женщина, чье имя – мать.*

*Мать, познавшая боль и муки
За сыновей и дочерей.
Я женские целую руки,
Целую руки матерей.*
(Автор не известен.)

Мое повествование, как я уже сказала выше, посвящается женщине, которая дала мне жизнь. И не только мне, но и еще трём детям. Она была и остается в жизни каждого из нас тем дорогим и важным человеком, которым для большинства из нас являются наши матери. И все они достойны того, чтобы о них были написаны целые повести, потому как каж-

дая из них совершает ежедневно массу никем не оцененных подвигов. Но я хочу написать лишь об одной из них – о той, кто не только дала нам жизнь, но и смогла заложить в нас правильные ценности жизни, чья жизнь, и, увы, смерть, была самоотверженной, героической и ошеломляющей. Итак, посвящается нашей мамочке – Вайдуковой Елене Абрамовне.

И поскольку эти воспоминания мои, то и написаны они были через призму моего восприятия жизни, через мои «цветоощущения».

О своей маме могу часами говорить восторженно и вдохновлённо. Я восхищаюсь этой необыкновенной женщиной! Я благодарю Бога за то, что именно ОНА родила меня и дала нам жизнь, что именно ОНА воспитала меня и стала для меня той чуткой и нежной женщиной, чье имя – МАМА!

Помимо того, что она была красивая, яркая и эффектная женщина, она была мудрой, волевой, порядочной, несказанно хозяйственной, мудро управляющей своим домом и финансами. А еще она была оптимистичной и жизнерадостной, необыкновенно энергичной. От нее так и исходили потоки света и тепла. Ведь в переводе с греческого имя Елена означает – «светлая, сверкающая». Так оно и было на самом деле.

Она никогда не жаловалась на жизнь. Хотя сейчас я понимаю, что поводов для жалоб можно было найти очень много. Никогда не судачила. И еще она очень любила нас – четверых своих детей. И этой большой ее любви с лихвой хватало на всех нас. Я всегда чувствовала, как сильно она лю-

бит нас и как уже чуть меньше – всех остальных детей и людей... И в то время мне порою было как-то даже не по себе от того, что она так сильно нас любит и выделяет нас среди другой массы детей... Но сейчас я понимаю, что это было правильно и вполне естественно для нее. Это ненормально, когда мать любит чужих детей больше, чем своих... Это нечестно и несправедливо даже. Но начнем по порядку.

Самое начало

А начало для нашей мамы – 18 апреля 1939 года. Это дата ее рождения. Но как не странно, она узнала о ней, когда пошла отдавать документы на получение паспорта. До этого она всегда думала, что ее день рождения – 3 июня, поскольку именно в этот день отмечали ее именины. Собственно говоря, дня рождения-то (впрочем, как и именин) никто, никогда и не отмечал, и никто и никогда не дарил ей подарков, как это принято теперь у нас. Поэтому лишь в день именин ей сообщалось, что сегодня ее день, так сказать, и она с детской доверчивостью и думала, что это и есть ее день рождения. Да, это так удивительно в наше с вами время, но тогда, наверное, это было нормой. Мама была старшим ребенком в семье. Нет, был до нее еще брат Николай, но в 14 лет его не стало, а поэтому на нее, как на старшую в доме, были возложены очень многие обязанности по дому.

Она не особо любила рассказывать о своем детстве. Наверное, потому что не так уж и много там было радостных моментов. Посудите сами – сперва довоенное детство, потом война и уже послевоенная разруха и голод. И одежонка у нее была худенькой. Как-то она рассказывала, что уже, будучи подростком – девушкой, очень стеснялась ходить в большом мужском тулупе в школу. Своей одежды у нее не было, только лишь с чьего-то плеча. И форма школьная тоже была

очень скромная – из черного ситца. Наверное, все так жили в то время. Но этому поколению наших родителей и дедушек-бабушек досталось сполна – ни детства, ни толком юности, а потом и в старости толком ничего хорошего не увидели. Что-то всю жизнь для кого-то строили, но так и не достроили. А если что и построили, то система все разрушила.

Маленькая мама на коленях слева. (Рядом братья Коля и Алеша) во время войны.

Чтобы понять взрослую жизнь человека, надо знать вре-

мя и семью, в которой он родился. Поэтому начну по порядку. Со знакомства с мамиными родителями – с нашим дедом Абрамом Степановичем Унтиловым и Галиной Павловной – нашей бабушкой. Герои своего времени, которыми, впрочем, можно назвать всех, проживших то тяжелое время войны.

Бабушка наша была единственной у своих родителей – людей обеспеченных и образованных. Все ребятишки, которые рождались в этой семье, долго не задерживались, а практически сразу умирали. А бабушка выжила. А потому родители не чаяли в ней души и возлагали на нее большие надежды. Бабушка наша была княжеского рода, хотя при советской власти об этом не принято было болтать и скорее являлось чем-то постыдным и зазорным.

Корни же деда были с Украины. Его родителей с кучей ребятишек сослали на Урал, в старый городишко на Туре – Верхотурье. Их семейство – многодетное, а потому и трудолюбивое, еще при советской власти было признано как зажиточное, а потому нуждающееся в раскулачивании. Ну вот и раскулачили. И сослали. Дед с бабушкой встретились, поженились, а потом у них пошли и свои ребятишки, часть из которых не приживалась на этом белом свете и уходила в раннем детстве, а оставшаяся часть была из тех жизнелюбов, которых принято называть сорванцами. Мама была вторым ребенком, после старшего брата Николая, с которым разница была в 2 года. Родились они еще в довоенные годы –

Коля в 37, а мама – в 39 году. В самом начале войны, 1941 году родился еще братик Алеша. А потом, когда началась война, деда забрали на фронт, и бабушка наша с тремя ребятишками перебивалась, как могла. Многое тогда детям военного поколения пришлось пережить. Бабушка, хоть и была княжеского рода, но быстро жизнь научила ее всем своим премудростям. Она сама вместе с ребятишками перекапывала огромный огород по весне и засаживала всем, что только оставалось припасенным с осени в погребе. Они могли сами голодать, но семенная картошка – это было святое, и она никогда не трогалась, даже если приходилось совсем туго. Тяжелая военная жизнь наложила на бабушку свои отпечатки. Она удивительным образом сочетала в себе какую-то жесткость и суровость характера одновременно. По своему малолетству ребятишки не замечали того, что в свои 20 с немногим лет, их мать выглядела гораздо старше, чем есть на самом деле. Не замечали и того, какие мозолистые и сильные у нее руки, совсем не похожие на ручки «барской» дочери.

Бабушка Галина Павловна и дед Абрам Степанович Унтиловы.

Дед же наш во время войны был танкистом. На танке дошел до Берлина. И когда они очищали мир от того последнего, что называлось фашистами, их танк был подорван. Контуженный и оглушенный, дед вынес на себе раненого командира из горящего танка. И сам был сильно ранен в нескольких местах от взорвавшейся неподалеку гранаты. Он пролежал долгое время – раненый, без сознания и присыпанный землей. И по Божьей милости, когда санитарочки обходили поле битвы, то его нашли. Вид его был настолько безнадежным, что и никто уже и не думал, что он еще живой. Но когда поднесли к нему зеркало, то увидели, что оно запотело.

Дед был срочно госпитализирован, перенес множество операций и чудом выкарабкался на этот свет. Выздоровле-

ние было долгим и многоэтапным. От контузии он потерял память и долго не мог говорить. Потом потихоньку память и осознание себя стали возвращаться к нему. Он вспомнил кто он, откуда родом и что у него есть семья. И вернулся домой только лишь через год, в 46 году. Вернулся тогда, когда уже и не ждали его дома, похоронили. Бабушка сама лично слышала, как по радио говорили, что ему посмертно присвоили звание героя Советского Союза. Его командир был уверен, что дед погиб. А он вот взял и вернулся с войны. И, слава Богу, что вернулся живой. Еще, будучи ребенком, я много раз слышала историю о его удивительном рождении и спасении. Дело в том, что дед наш родился, как говорится в народе, «в рубашке». Да не в атласной или ситцевой, а в своем «детском месте», что бывает очень редко в жизни. Его мать высушила эту его «рубашечку», и когда деда забрали на фронт, то вшила ему в одежду, чтобы, по народному поверью, хранила его. Не знаю, может быть, она и верила в Бога, (да и как в такие страсти, да и без Бога?), но одно другому, видимо и не мешало. И потом по жизни наш дед не раз слышал от военврачей эту фразу: «Да ты в рубашке родился!», на что он всегда отвечал, что, мол, так и есть, в рубашке. Знаю, что потом, уже после возвращения домой, в нем опять зашевелились осколки. И снова деда оперировали. И хирург сказал ему в очередной раз про его рубашку, потому что еще бы немного и осколок задел сердце. Но это так, к слову. Я-то понимаю, что это Бог так хранил его.

Но надо сказать, что после войны он стал совсем другим человеком, как, пожалуй, и все, пережившие подобные ужасы. Война много поменяла не только в жизни людей, но и изменила их самих. Дед стал суровее и держал всех в строгости. А поскольку мама наша была старшей (брата Николая к тому времени уже не стало), то с нее и спросу было больше. Все лето трудились с рассвета до заката. Дел с хозяйством было выше крыши. Это и покосы постоянные, и сбор ягод для продажи, которые собирали целыми пайвами. По сезонам. Сперва земляника и черника, а потом – брусника и клюква. А зимой собирали сосновые шишки, потом их шелушили от семян и опять же сдавали в лесничество – глядишь и лишняя копейка появлялась. Но мало кто из детей видел свои деньги – все честно сдавалось в семейную казну. Мама рассказывала, что если уж и хотелось им детьми чего-то сладенького, то тогда шли в редкое свободное время по землянику, например, а потом на проданные ягоды покупали 100—200 граммов подушечек и всегда делили поровну на всех. Такое вот время было.

Бабушка и дед с младшим сыном Александром.

Мама с детства была бойкого нрава. Спуску никому не давала и в обиду не только себя, но и своих младших братьев и сестер. Даже как вроде была грозой улицы. Ее побаивались даже мальчишки, а с девчонками она дружбу не водила. Ей с ними было не интересно – постоянные ябеды и обиды. Она всегда была за справедливость, и если кто-то перегибал палку по ее понятиям, то с тем долго не церемонилась – могла и поленом отстегать... Вот пишу это все и самой не по себе. Неужели о своей нежной маме пишу??? Лич-

но я ее такой – с поленом в руках не знала. Но это все мне в мою память легло по рассказам от самой мамы и от ее братьев-сестер. Все эти истории всегда рассказывались с большим смехом и юмором, что нам, детям, тоже было как-то весело. Но по большому случаю такие «набеги с поленьями» были скорее исключением, чем правилом. Потому, как и бегать-то по улице в то время особо было некогда. Это был лишь единичный случай, который показал всей улице, что характер у нашей мамы был. Хозяйство же у родителей было большое – скотину держали, кроликов да курочек, да и огород был, как огромное поле. Пережила и повидала мама в родительском доме всякое. Бывало, что и голодали во время войны, не смотря на то, что держали корову. Молока и еды все равно не хватало.

Еще мамуля рассказывала, как ей приходилось ночами, когда уже все спали, отмывать некрашенный пол в родительском доме. Это приходилось делать ей каждый день, а вернее, каждую ночь, потому как в другое время это было делать некогда. И обидно было ей, что никто особо не берег ее труд, поскольку на следующий день пол был по-прежнему грязный, и ей снова приходилось скоблить его большим ножом. И еще помню, что она рассказывала, что на одну из первых своих зарплат купила себе кроликовую шубку на зиму, поскольку больше не могла ходить в мужских тулупах. И потом на лето оставила эту свою полушубку у родителей. А когда вернулась домой, то увидела, что шубка ее валяется в ногах

при входе, вся замусоленная и оборванная. Конечно же, думаю, что ей было очень горько от этого. Это, пожалуй, и все, что я запомнила из рассказов мамочки о ее жизни в родительском доме. Очень жалею, что так мало выспрашивала у нее фактов из детства, да и юности тоже. И сейчас вот приходится собирать все по крохам и вспоминать то, что было рассказано так уже, кажется, давно, в той, другой счастливой жизни, когда она была рядом. Трудно судить, но мне кажется, что она очень хотела в юности скорее уехать из родного дома, в котором так мало приходилось видеть ей доброго. Конечно, она любила своих родителей и по-особому жалела свою маму, у которой тоже была, ох, какая не сладкая судьба. Поэтому и делала всю работу по дому, какую только могла, чтобы облегчить ее жизнь.

Лично я сама бабушку помню как-то уж до обидного мало. Мы с мамой жили за 100 км. от бабушки и дедушки, в городе Серове. А потому и виделись с ними эпизодически. Бабушка у нас была удивительной постряпухой. Я помню ее удивительные наивкуснейшие пироги и ватрушки из русской печки. Вкуснее их я в своей жизни не едала. Они были просто какие-то воздушные и нежные эти ее шанежки и ватрушечки с картошечкой. А пирожки с черемухой, да еще и с коровьим молоком – этот вкус у меня сидит в памяти. Бабушка была какая-то молчаливая, и может быть, поэтому она казалось мне суровой. Хотя все говорят, что она была очень доброй женщиной. Уверена, что так оно и было. Мне кажется, что

вся ее жизнь – это была сплошная борьба и сплошные жуткие испытания. Из 9 своих детей она четверых похоронила при жизни. Кого-то в младенчестве, кого-то в подростковом возрасте, а кого-то уже во взрослой жизни потеряла. И что тут говорить, каждая смерть уносит половину твоей жизни. А смерть родного ребенка – испепеляет и опустошает до дна.

Хорошо помню платице и книжку, которые подарила мне бабушка на день рождения. Оно было такое беленькое в горошек, шелковое, с рукавами – фонариками. Я очень его любила. Оно и действительно было нарядным. А книжка была очень трогательная – про куницу. А Диме бабушка подарила книжку про попугая Жако. Мы все очень любили эту интересную историю про смешного говорящего попугая, который всех гостей в доме спрашивал: «Чаю хочешь? Как поживаешь?» А гости, думая, что с ними разговаривает хозяин, отвечали: «Да, не откажусь от стаканчика чая. Хорошо поживаю». Но проходило время, и тот же голос опять спрашивал то же самое. И так по кругу. Не трудно догадаться, чем же заканчивалась эта смешная книжка. Мы очень ее любили. И у нас в семье всегда существовала эта присказка: «Чаю хочешь? Как поживаешь?». А еще у нас осталось очень много поздравительных открыток от бабушки с самыми разными праздниками. И даже нас, совсем тогда малышей, которые и читать еще толком не умели, она не забывала поздравлять со всеми праздниками. У меня осталось от нее несколько открыток именованных лично мне. И эти особые подарки и от-

крытки мы с любовью хранили в память от бабушки. Они стали по-особому дороги нам, когда ее не стало.

А не стало ее, когда нам с Димой было по 7 лет. Трагически и неожиданно оборвалась ее жизнь – бабушку сбило поездом за 10 дней до нового 1981 года. Это было в тот момент, когда мы все приехали в Верхотурье на день рождения нашей тети Риты – маминой сестры. Мы все собрались у неё дома. И я помню, что бабушка засобиравалась к себе домой. Ее еще все отговаривали, чтобы осталась. Уж и не знаю почему, но она все же решила уехать. А ехать надо было либо на автобусе, либо на поезде – всего одну остановку. Бабушка ушла. И никто из нас и не мог подумать, что больше мы ее не увидим. Выходные закончились, и мы снова вернулись домой в Серов. А потом маме позвонили на работу и вызвали к телефону. Там ей сообщили, что бабушку сбило поездом. Мамуля первой уехала на похороны, а мы подъехали на следующий день. Я немного смутно помню все эти печальные события. Я еще тогда сама была мала. Помню, что больше всего мне было жалко мамочку. Я впервые увидела, как она плакала. И вообще впервые увидела, как плачут мои взрослые дяди и тети. Мне бабушку, конечно, тоже было жалко, но маму почему-то больше. А на бабушку мне было страшно смотреть. Ей, бедной, сильно досталось. Следы этой ужасной трагедии были очень отражены на ее лице – оно было все в синяках. И бабушка была просто неузнаваемой. По крайней мере для меня, 7-летней девочки. А случилось все так,

что бабушка стояла на путях той самой станции, где жила наша тетя Рита. И мимо проходил пассажирский поезд, который не останавливался на этой станции. Была зима, и бабушке особо-то некуда было отойти от дороги, разве что совсем в сугробы. Ну, в общем, то ли она отошла не достаточно далеко от поезда, но одним словом, ее ударило поручнем от локомотива и отбросило на несколько метров. А в это время наш дядя Валера пошел на улицу курить, и увидел, что остановился пассажирский поезд. И он еще удивился, мол, чего это поезд тут встал. А он вот и встал из-за нашей бедной бабушки. Но это все мы узнали уже потом. Бабушка в тот день домой не вернулась. Дед ее не потерял, поскольку подумал, что она с нами у тети Риты осталась. А хватились ее только через пару дней, когда закончились выходные, а она так и не появилась дома. Подали в розыск и нашли ее уже, к сожалению, в морге... Очень печальная история. Бабушке было тогда всего 61 год. Всех эта беда очень подкосила. Дед сразу осиротел. Что не говори, а дом держался на бабушке. И мамин родительский дом стал прямо на глазах разваливаться, поскольку не стало в нем главной хозяйки – нашей славной бабушки.

Мама и папа

К сожалению, мы так мало знаем о мамином и папином знакомстве, о том, как протекал их роман. Все какими-то эпизодами. Мамуля особо не рассказывала об этом, а папа и сейчас не рассказывает. А я и не лезу в душу, боюсь ее потревожить. А ведь это так важно для детей – знать о тех чувствах, которые когда-то испытывали их родители друг к другу.

К счастью, сохранилась тетрадка с папиными стихами и письмами для мамы. Что-то, к большому моему огорчению, уже стерлось, поскольку было написано простым карандашом, а что-то, написанное чернилами, еще очень хорошо читаемо. Так вот, именно из этой тетрадочки я и узнала историю знакомства наших родителей. В ней столько любви и тепла, столько нежности! Очень приятно, что папа так мог любить нашу драгоценную маму. Для него мамочка была Акчонел (Леночка в обратную сторону), Акдубазен (Незабудка), голубка и много других ласковых слов можно прочесть в обращении к ней. Именно из этого сборника, где есть стихи и проза я узнала обстоятельства их знакомства. Ниже привожу лишь некоторые отрывки. Не очень личные, на мой взгляд. Такие, какие имеют право быть обнародованными. Чего же им лежать в забвении? Написано папой – Вайдуковым Леонидом Маркеловичем.

Сразу хочу сказать, что имена главных действующих лиц здесь изменены. Такова была задумка папы. Его рассказ – его воля писать, как ему видится. Не трудно будет догадаться при чтении, что Наташа – это наша мамочка, а Андрей – это папа. Здесь мама открывается нам совсем с другой стороны, с какой мы и не могли ее знать, ведь нас тогда еще и не было.

Печатаю без изменений. Уверена, что и вы получите удовольствие от этого рассказа! Итак, начинаем...

История о том, как папа познакомился с мамой

Неужели это конец? – думал я, глядя вслед уходящему пассажирскому поезду. Неужели все кончено!? А еще совсем недавно, всего лишь день назад все было так хорошо! Без умолку говорили, пели и радовались. Только не танцевали, не было музыки, но нам и без этого было весело. А вечером бродили по тихим улицам поселка, говорили мало и каждый думал о своем. Хорошо идти с любимым человеком, держа его руку в своей руке, и слышать, как скрипит снег, смотреть, как падают легкие снежинки и ни о чем не думать. Хочется только идти и идти... И я перебирал в памяти все мелочи, начиная с того, как впервые встретился с Наташей. И это было не очень давно, прошлым летом. И пусть пройдет много лет, но я этого не забуду. Жил я тогда на тихой железнодорожной станции, а работал в лесу за 25 км. По настоящему я жил в лесу, а домой ездил только за продуктами, чтобы снова уехать в лес на неделю. Пятнадцать километров нужно было ехать на поезде, а потом еще 10 километров пешком. Продукты доставляли на поезде, а сами добирались пешком. Все было как всегда. Я стоял в тамбуре и ждал, когда закончится посадка. Мне нужно было сходить. Как вдруг увидел среди знакомых входивших пассажиров стройную красивую девушку. Не знаю отчего, но у меня при ее появлении так за-

стучало сердце, что, казалось, стук его слышат все. Это была Наташа. Кто же эта незнакомка? Я еще не совсем успел разглядеть ее, но знал, что это – любовь. Знал, что о ней я буду думать все десять километров, знал, что долго вечерами не смогу заснуть. Это была новая учительница. И во что бы то не стало, я решил познакомиться с ней. План знакомства был разработан и составлен с товарищем по работе – Колей. После обсуждения план был принят и мы с решительностью и смелостью направились его осуществлять. Был сентябрьский, прохладный и темный вечер. Коля шел с фонариком. Мы, предчувствуя успех разработанного до тонкости плана, торопились. Но чем ближе подходили мы к школе, тем меньше было решительности, тем медленнее шли. И почти совсем у школы Коля остановился. Мы должны были пройти возле школы, громко разговаривая. И Коля должен был, как бы нечаянно, посветить по окнам фонариком. «Наташа должна выйти» – уверял меня Коля, – девочки всегда в таких случаях выходят». «Ну, а если не выйдет?» – возражал я. «Тогда пройдем еще раз, и уж тогда-то любая девчонка выскочит. Ты не беспокойся, а надейся на меня, я не подведу» – убеждал меня Коля.

Но тут возле самой школы он почему-то остановился.

– Что, фонарик заел? – спросил я шепотом.

– Нет, – ответил мне Коля и тоже шепотом.

– Так пойдем, – прошептал я.

– Знаешь, Андрей, может быть, когда-нибудь в другой раз

это сделаем, сегодня что-то прохладно. Начнем разговаривать, увлечемся, и, чего доброго, простынем, – шептал Коля.

Я так и знал. Коля струсил. И все-таки мы пошли. Шли чуть не на цыпочках, не глядя на окна и не разговаривая. А когда прошли, оглянулись, и, не сговариваясь, сели на скамейку у забора возле какого-то дома. Я молчал, я был взволнован. Коля тоже о чем-то думал. Успокоившись, я спросил: «Почему ты не светил фонариком?» «А я забыл про него» – ответил Коля. «Эх ты! – начал я стыдить его, – а еще говорил: Не беспокойся! Надейся на меня! Я не подведу!»

– Пойдем второй раз, сейчас я обязательно посвечу, – убеждал и оправдывался Коля.

Зная скромность и стеснительность Коли, я взял на себя художественный свист какой-нибудь современной и популярной песенки, когда мы будем проходить возле окон школы, так как разговора с Колей не добьешься. «С него хватит и того, если он посветит», – думал я. И мы сделали второй заход. Метров за 200 я начал лихо насвистывать мелодию из кинофильма «Там, где заканчивается асфальт», подбадривая Колю. Коля же проворно кидал лучи фонарика по сторонам, представляя, как будет светить по окнам. Но чем ближе я подходил, тем тише становился мой свист. А когда до школы осталось шагов тридцать, я совсем перестал свистеть, думая, что хватит и того, если посветим по окнам фонариком. И у Коли уже неуверенно светили лучи фонарика по сторонам, а когда совсем подошли, фонарик потух.

– Свети! – прошипел я.

Коля включил фонарик и, как мне показалось, зажмурился, скользнул лучом по крыше школы и, не глядя на окна, прибавил шаг. Я не отставал. И мы не заметили, как уже бежали. Даже, если бы Наташа и вышла, нас там бы не было. Третий раз идти было бесполезно. И Коля ушел. До ночного поезда было еще долго. И я решил действовать один. Но ничего, кроме, как пройти мимо школы, я не мог придумать. Но уже после десятого захода я глядел на окна. И каждый раз, проходя, думал: это последний виток, а то побью рекорды космонавтов. Но, пройдя, снова шел. И так до самого поезда.

С Колей я встретился на следующий день. Мы вместе шли на работу. По мелочам вспоминали и разбирали вчерашние похождения, смеялись над своей нерешительностью. И вдруг – кому-то из нас пришла мысль – обмануть ребят. И мы решили сказать ребятам, что были в школе, познакомились с учительницей, она угостила нас чаем, мы посидели и ушли. Вовка обязательно убежит, как узнает это.

– Да, он смелее, чем мы с тобой вместе, и если зайдет в школу, то уже не выйдет» – добавил я.

Так мы и сделали. Так сделал и Вовка. Он ушел в тот же вечер, прихватив с собой друга. Володя, будучи парнем решительным, сразу из лесу зашел в школу. Наташа была там.

– Здравствуйте! – поздоровались делегаты.

– Здравствуйте! – несколько удивленно ответила Наташа.

Считая, что молчать в чужой квартире неприлично, Володя начал:

– Вам привет!

– От кого? – удивилась Наташа.

– От Андрея с Колей! – выпалил Вова.

– От какого Андрея с Колей? – еще больше удивилась Наташа.

Видя ее недоумевающий взгляд, Вова решил пояснить: «Да от тех, что у Вас вчера здесь чай пили! Неужели забыли?»

– Никто у меня чай не пил – ответила Наташа – Быть может, Вы ошиблись адресом?

И Вова понял, что его обманули, и, будучи человеком находчивым, он сменил тему разговора, замаял недоразумение, и добился того, что его действительно угостили чаем.

Так началось знакомство наших ребят с Наташей. И только намного позднее я смог лично познакомиться с ней. Наташа оказалась простой и в то же время строгой и непримиримой к недостаткам девушкой. Она делала замечания не только детям, но и взрослым, если видела некультурное поведение последних. Честность и прямота помогли ей приобрести врагов. Жители поселка смотрели на нее искоса и за глаза говорили о ней плохо. Наташа видела это, но по-прежнему была требовательной и непримиримой. Она организовала вечернюю школу, и я пошел учиться.

Помню, как-то в одну из суббот я пришел из леса на заня-

тия. Наташа оказалась больной. В комнате у нее было прохладно, она лежала на кровати, накрывшись одеялом. Я затопил камин, вскипятил чай, но Наташа пить не стала. Всю ночь я сидел возле ее кровати, читал ей книгу, рассказывал разные истории. И мне было приятно, когда в ее глазах появлялись искорки смеха. И только под утро она уснула. Я сидел на стуле и все смотрел и смотрел на нее, запоминая каждую черточку ее лица. А утром мне нужно было уходить в лес на работу. И я ушел. Ушел, сварив ей борщ. Правда, я не нашел соли, и Наташа позднее мне говорила: «Проснулась я от приятного запаха борща, но когда попробовала, то безвкуснее я ничего в жизни не встречала, и мне кажется, Андрей, что я сейчас никогда борщ кушать не буду».

Мамуля со своими подопечными.

С этой незабываемой ночи и началась моя дружба с ней. Мы часто просиживали с ней допоздна, непринужденно разговаривая, ходили в кино, на танцы или просто бродили по поселку. Она мне подарила небольшую свою фотокартонку в форме листочка, и я носил ее с собой. Это был мой талисман. И когда я был в лесу, я часами смотрел на улыбающееся лицо в листочке, и мне было весело, спокойно и радостно. Я не мог прожить и трех дней, чтобы не сходить в поселок, чтобы не увидеть ее. Почти каждую ночь я видел ее во сне. И только за работой забывался, да и то ненадолго.

Выпал снег. Вода в лужах замерзла. Кончался ноябрь. Птицы уже давно улетели на юг, в лесу стало тише и скучнее. Коля рассчитался и уехал в город. Володя женился и в лесу бывал все реже и реже. Я по-прежнему ходил в школу. И вот однажды, когда я пришел к Наташе, в комнате были Костя с другом. Костя считался художником, хотя работал плотником. Он часто хвалился тем, что учится заочно на художника и регулярно отправляет свои картины в Москву для оценки. Хотя был случай, когда он местному заказчику рисовал коврик для стены. На коврике, по его мнению, был изображен всадник на коне, склоняющийся для поцелуя девушки. Но по мнению других, вместо коня было какое-то животное, напоминающее чем-то осла. И с этого животного склонялось другое животное, для поцелуя какого-то, еще более страшного, третьего животного. По всей вероятности заказ-

чик плохо разбирался в живописи, и потому наотрез отказался брать этот коврик, вежливо говоря: «Видите ли, этот коврик я хотел повесить над койкой, но боюсь, если я это сделаю, то по ночам буду видеть кошмарные сны, а на огороде у меня уже чучело есть, так что извините, но я не могу взять этот прекраснейший ковер». И вот этот Костя ходил по комнате, заложив руки за спину, и философствовал об искусстве, любви и в основном о себе. «У меня есть настоящая, сильная, никому не отданная любовь», – делал он толстые намеки, – «И если эта любовь кому достанется, тот человек будет самым счастливым».

– А как же ты женился? – удивилась Наташа.

– Это было просто увлечение, – оправдывался художник, продолжая ходить по комнате и глядя куда-то в потолок.

Затем он перешел на тему о чувствительности, где счел нужным заметить, что это качество у него развито, как у художника, в совершенстве.

– Я могу с одного взгляда определить фигуру женщины, под какой бы одеждой она не была», – хвастался он.

И когда его красноречие иссякло, он, сославшись на какую-то причину, ушел. У нас с Наташей возник спор.

– Костя тебе понравился? – спросил я.

– Да! Он рассуждает грамотно и обдуманно!

Во мне проснулось чувство ревности и я, горячась, доказывал:

– Просто этот человек имеет большой запас заученных

фраз, и я не спорю, он вставляет их к месту, но со временем этот запас может исчерпаться, или будет повторяться. И тогда это быстро надоест. Кто его знает, быть может, он своей жене тоже когда-то говорил, что у него есть сильная, никому не отданная любовь. Я ему почему-то мало верю.

– Быть может, ты не веришь, что он умеет определять фигуры людей под одеждой? – спрашивала Наташа.

– Это может сделать каждый человек, если только он видит. Конечно, художники – натурщики, рисующие людей, определяют более точно. Но какой же он художник?! Он такой же художник, как и я поэт! В какой печати были опубликованы его картины? От его рисунков люди начинают заикаться, страдают бессонницей. И если он еще будет продолжать рисовать, наверняка сойдут с ума! – горячился я.

Это был наш первый дружеский спор. Он не помешал нашей дружбе, а еще крепче сделал ее.

Подходил новый 1965 год. Мы с Наташей договорились встретить его вместе. Дня за два до Нового года, я принес в ее комнату самую красивую елочку из моего леса. Я смотрел, как радуется Наташа и тоже радовался вместе с ней. Мы вместе ее украсили игрушками и снежинками, обсыпали друг друга серебристым снегом, повесили две бенгальских свечи, выключили свет и подожгли их. Свечи горели, разбрасывая искры, освещая елку, игрушки и комнату. Мы стояли, обнявшись, и радовались, как дети. А когда от свечи остались только два уголька, которые все тускнели с каж-

дой секундой, мы все продолжали стоять и смотреть. А когда не стало видно и угольков, мы обнялись еще крепче, и, чуть покачиваясь и ни о чем не говоря, продолжали стоять, каждый думая о своем. Было легко и радостно. Рядом был друг, которого я любил больше всего на свете!

Это была неповторимая предновогодняя елочка. И она стояла украшенной еще долго, пока не стала осыпаться, пока не стала некрасивой, но для меня она всегда будет нарядной и самой красивой в мире.

Наступили зимние каникулы. Наташа уехала к родителям. Я подал заявление на расчет и отработывал последние дни. Мы переезжали в город. Как мне и не хотелось уезжать из леса, но этого хотела Наташа, этого требовали все родственники. И я уехал. Уехал из леса, но сам душою был там, где осталась Наташа, где так много было прекрасного. Я каждый день писал ей письма, с нетерпением ждал почту, и радости моей не было предела, если в ящике оказывалось письмо от Наташи.

О том, что Наташа – настоящий друг, я убедился после маленького недоразумения, которое произошло со мной при расчете. Я сидел в конторе и ждал, когда закончится собрание. Мне нужен был мой мастер. После собрания я его нашел, и мастер стал писать мне справку, необходимую для расчета. Вдруг меня потребовал к себе директор. Я вошел в кабинет.

– Миронов, – начал он, – куда ты дел бензопилу «Друж-

ба»?

– Какую еще «Дружбу?» – удивился я.

– Не делай удивленные взгляды, это тебе не поможет, – убеждал директор.

И стал звонить: «Алло! Полицию дайте, пожалуйста!» И затем: «Здесь есть человек, который похитил из конторы „Дружбу“. Пока шло собрание, он воспользовался этим и унес ее куда-то. Приезжайте и заберите его». От негодования и несправедливости я не знал даже, что и сказать. Слова и мысли путались в голове, и первое, что пришло, это:

– Вы за свои слова отвечаете? – спросил я директора.

– Да! – ответил он, – отвечаю.

Я расстроенный вышел в коридор. Директор, боясь, чтобы я не сбежал, тоже несколько раз выходил в коридор. Но я не был ни в чем виноват, и мне не зачем было сбежать. И тут пришел Коля. Коля, с которым я около года жил под одной крышей, питался из одной миски, курил последнюю папиросу пополам. Жизнь и работа в лесу подружила нас. Как я был рад этой встрече! Коротко объяснил ему, что я обвиняюсь в воровстве, и сейчас меня должны забрать. За время жизни в лесу мы с Колей узнали друг друга, как каждый знает самого себя. И я знал, что Коля верит в мою невиновность, но не знает, чем мне помочь. И я попросил:

– Если меня сегодня вечером не будет дома, то ты, пожалуйста, зайди ко мне домой и объясни это недоразумение, только осторожно, не напугай маму.

– Хорошо, я найду, и если тебя и завтра не будет дома, я найду в милицию.

Я был тронут беспокойством друга. В конторе мне было неловко, так как на меня смотрели как на вора, и я с нетерпением ждал, когда приедет милиция. Вскоре я уже сидел в машине с решеткой, а сержант в милицейской форме укоризненно говорил: «Тоже мне воры! За какую-то безделушку ищут себе срок на три года. И то хорошо, если только три дадут». Я молчал, я был убит морально. Не хотелось ни оправдываться перед сержантом, ни доказывать своей невинности.

Привели прямо к начальнику милиции. Я вошел. Подполковник сидел за столом и смотрел куда-то в сторону, даже не повернув головы при моем входе. Он молчал, молчал и я. Давая о себе знать, я кашлянул, но подполковник даже не шевельнулся. И все так же, не глядя на меня и не поворачивая головы, он спросил:

– Ну, как было дело, рассказывай!

– Мне не о чем рассказывать, – заговорил я.

Подполковник снова молчал. После продолжительной паузы он добавил:

– Ну что же, придется тебе посидеть и подумать.

– Я приехал сюда не для того, чтобы сидеть и думать, а рассчитываться с работы, – возражал я.

Но вместо ответа подполковник нажал кнопку. Вошел сержант, и меня увели. Сержант увел меня в пустой коридор.

Слышно было, как разговаривают и ходят люди в соседней комнате. Я тоже стал прогуливаться, куря папиросу за папиросой. Ходил и думал, как забеспокоится мама, когда узнает, что меня забрали. Я знал, что мама верит в мою невиновность, но на душе от этого не было легче. Сколько я проходил – не знаю, только вызвали меня снова и на этот раз повели в другую комнату. В комнате сидел лейтенант. «Следователь» – подумал я. Начались допросы, вопросы, и так до самого вечера. Лейтенант поверил в мою невиновность и отпустил меня домой, потребовав, чтобы я не отлучался никуда из дому. Я ушел подавленный. Чем я мог доказать свою невиновность? Ведь в конторе никого не было, кроме меня, и «Дружбы» я там не видел.

Пришел домой, спросил, не приходил ли Коля. Коли еще не было. «Значит, скоро он должен прийти», – думал я. И я рассказал все, что со мной сегодня случилось. Мама и сестра забеспокоились, хотели идти к директору и в милицию, но я уговорил их этого не делать. Но Коля так и не пришел в этот вечер. Не пришел он и на следующий день. И не приходили за мной и из милиции. «Может быть, он сходил в милицию, и узнав, что меня там нет, успокоился», – рассуждал я, – «или, быть может он поверил, что я украл „Дружбу“ и решил покончить со мной знакомство?» – сомневался я.

Целый день я ходил по улицам города, и все думал и думал. И тут я решил, что если меня еще раз вызовут, то скажу, что это сделал я, пусть посадят, пусть буду оскорблен и уни-

жен, мне было уже все равно. Что делать, если от тебя отворачиваются друзья, в которых ты верил больше всего?

И вечером я написал Наташе письмо, объясняя все и извиняясь за принятое решение. Иначе я не могу. Я это решил твердо.

И вдруг на следующее утро зазвонил звонок. «Наверное из милиции», – подумал я. Открыл дверь и увидел... Наташу. Она стояла слегка взволнованная, но, увидев меня, обрадовалась. Я от радости не знал, что говорить и что делать. Узнав от мастера, что меня забрали, она на следующий день выехала ко мне, чтобы разобраться и помочь, в чем будет нужно. Сбивчиво и несвязно я рассказал ей все, умолчав о письме и о своем решении. Мне было уже стыдно за такой глупый и самоотверженный свой поступок.

Как и раньше, мы бродили по городу, держась за руки, смеялись и говорили на разные темы. В этот же день Наташа уехала, а через два дня я получил от нее письмо. Она ругала меня, убеждала, требовала и просила. Но я уже так не думал, как думал раньше. Ее письмо я выучил наизусть, он врезалось мне в память, и я никогда его не забуду. Она писала: «Пусть тебя несправедливо обвинили, пусть в твою душу влезло недоверие, но не все в жизни плохо. И даже если Коля не пришел, разве стоит из-за этого горевать? Пусть просто их этого следует простой вывод, что он не настоящий друг. А друг до поры – тот же недруг.

И как бы тебе трудно не пришлось, знай, что у тебя есть

еще один друг, пусть, может, и плохой. Но твоя неприятность – и его неприятность, твоя радость – и его тоже. Не горюй, друг мой, Андрей!»

И в конце письма даже были стихи на мотив «Царевны – Несмеяны»:

«Знай, сильнее всего на Земле, конечно, правда.

И она, как всегда, безусловно, победит!»

Милая, славная, хорошая Наташа! Разве можно после всего этого тебя не любить, не уважать?! Ты – настоящий друг! И зря ты пишешь: «Быть может, плохой друг» – я лучшего и не желаю!

Не вызвали меня в милицию и в последующие два дня. Тогда я решил сходить в контору. И я там узнал, что, оказывается, пилу брал один из рабочих конторы напилить себе дров. И на следующий же день пила снова стояла в конторе. Работники конторы уже смотрели на меня дружелюбно и с какой-то виноватостью. Только один директор был по-прежнему невозмутим и строг.

Я рассчитался и в один из свободных дней поехал к Наташе в поселок. Мы снова с ней бродили по поселку, пели песни, и это было всего несколько дней тому назад... Ссора, которой я так не хотел, возникла внезапно. Правда, из-за пустяка, но мы поссорились. Утром я уехал в город расстроенный. Не хотелось ни с кем ни говорить, ни на что ни глядеть.

Через день я снова поехал в поселок, чтобы забрать последние вещи из дома в город. И на остановке, где жила На-

таша, я увидел ее. Она садилась в вагон. Через мгновение я был в том же вагоне. Но Наташа даже не удивилась, увидев меня. Я поздоровался и сел напротив. Она молчала. На все попытки мои разговориться, она отвечала кратко и сдержанно. Мне было не по себе. Целый день я ходил с ней по городу, но она не была такой, какой была обычно – веселой и задорной. И вот она уехала, так и не сказав ничего.

Как не хотелось верить, что после всего такого хорошего, так глупо и жестоко получилось. Неужели все кончено? Писать ей было бесполезно, она не ответит ни на одно письмо.

Прошла неделя, как уехала Наташа. Я стал грубым, резким и нервным. Все вокруг меня раздражало. И все же я регулярно, каждый вечер писал ей письма, и так же регулярно, каждое утро их рвал.

Прошло еще три дня. Я уже не мог просто жить без нее. И решил, что завтра непременно поеду к ней, к моей милой Наташе. И на следующий день, спускаясь по лестнице, я вдруг встретил ее. Она шла ко мне. Шла и улыбалась.

А люди в поселке, наконец-то, поняли ее, и сейчас уже не говорят за глаза, а относятся к ней с уважением. Она по-прежнему работает там же, а я живу в городе.

Вот такая история о знакомстве мамы и папы.

Ниже прилагаю еще несколько папиных стихов.

У меня любовь лебединая,

Без тебя не смогу я прожить.
Ты и песня моя соловьиная,
Я тебя лишь умею любить.

Увлекался, любил, проходило все.
И однажды стук сердца сказал,
Что любимую, милую, славную
Я в вагоне тогда повстречал.

С той поры ты со мною навечно
В сердце, в мыслях, во сне, наяву.
И живу я тобою, конечно.
Без тебя же прожить не смогу.

Мой поезд уже отходил.
Ты шла с чемоданом, вздыхая.
О, как он тяжел тогда был!
И я все курил, представляя.

Мелькали за окном столбы,
А ты уже дверь открывала,
И в комнате было светло,
Но ты уже свет зажигала.

И лампочка дала тепло,
Пусть даже совсем небольшое,
И стало уютно, светло,

И дров, если нет, то не горе.

И ты теплотой своих глаз,
И строгим, и пламенным сердцем
Сказала зиме: «Убирайся!
С Весною не можешь быть вместе!»

В квартире враз стало теплей,
Старуха-зима убежала,
Забыв на оконном стекле
Узоров каких-то начало.

Как сон прекрасный я тебя запомнил.
Такое не забудешь никогда.
И чудные мгновенья нашей встречи
Останутся со мною навсегда.

Твоя веселость мне примером служит,
Ты правду говоришь всегда в глаза,
И трудности, которые встречаешь,
Ты не обходишь голову склоня.

Как сказка ты прекрасна и чудесна,
Как ручеек ты чиста и проста,
Как пенье соловья неповторима,
И как букет фиалок ты нежна.

Я счастлив был, когда тебя увидел,
И выше счастья был, когда сидел с тобой,
И не было скучнее человека,
Когда я был один, лишь сам с собой.

Не позабыть мне узкую тропинку,
(Как я хотел, чтоб не было конца),
И эта узкая, короткая тропинка
Осталась в моем сердце навсегда.

Веселый смех и песни, что ты пела,
И черные, лучистые глаза,
И волосы, и милая улыбка
Запомнились мне раз и навсегда.

Я счастлив буду, если в жизни счастье
Ты встретишь. И ты его найдешь. Я верю в то.
Я буду радоваться с тобою вместе.
И пусть оно тебе будет верно.

Сначала у мамы с папой все было хорошо, как, наверное, и в любой семье. Папа любил маму и долго ее добивался. Ему не раз за нее доставалось и однажды его даже подрезали какие-то приезжие мужики – геологи. Мама и в самом деле была девушка видная, да нраву не робкого. Многие на нее заглядывались. И легчики у нее были в ухажерах, и мно-

го других местных ребят. Папа наш взял своей настойчивостью. В нем очень много хороших качеств. Уверена, что мама не вышла бы замуж за недостойного мужчину. Он обладал большим чувством юмора. Там, где он был, всегда было весело. Мог смешные вещи произносить с серьезным видом и даже не улыбнуться, когда все вокруг будут заливаться смехом. Он всегда очень много читал. И писал стихи. Немало из них было посвящено маме. А еще маму подкупило то, как он общался с другими детьми. «Будет хорошим отцом» – подмечала мама про себя. В общем, многолетние папины ухаживания и его постоянное присутствие рядом привели к совместному браку. Первенца Наташеньку ждали очень сильно. Папа ее тоже очень хотел. И Наташа рассказывала, что всегда чувствовала себя любимым ребенком, особенным. Так приятно это было слышать!

В самом раннем детстве я помню его эпизодические появления. Помню, как он играл с нами в жмурки, водил в кино и в пельменную. Я младшая, и воспоминаний у меня, к сожалению, не так много.

Вообще, сравнивая их, я понимаю, что они были слишком разные. И, видимо, трудно было ужиться двум противоположностям. Брак распался. Я, будучи ребенком, не осознавала того, что расту не в полной семье, не чувствовала абсолютно никакого дискомфорта от этого. Мама старалась дать нам все, что могла – свою любовь и заботу. И нам с ней было хорошо. Но, думаю, что если бы рядом был отец, то бы-

ло бы еще лучше. Я до сих пор заглядываюсь на отцов, которые играют со своими детьми, проводят с ними время, гуляют, куда-то ходят. В нашей жизни этого не было. И мне как-то чудно смотреть на все это, и невольно спрашиваешь себя: «Неужели отцы могут любить своих детей? Неужели они им нужны?» Мне не знакомо чувство – как это, сидеть на коленях у своего отца? Наверное, он целовал и обнимал нас, но я этого не запомнила, к сожалению.

Подробнее о папе

В городе, где мы жили, папа работал водителем грузовика. И так уж получилось, что он попал в аварию – въехал в столб и разбил машину. Благо, что сам остался жив. Его лишили прав. И какое-то время он искал работу, но ничего подходящего на тот момент не было. А быть долгое время безработным в то советское время было опасно – можно было и по статье за тунеядство «загреметь». Поэтому папе пришлось вновь уехать в поселок, где он когда-то, еще до встречи с мамой работал вздымщиком. Многие даже и представления не имеют, что это за профессия такая – вздымщик. В советские – то времена не все знали, а сейчас уж и давно. Вздымщик – это собиратель сосновой смолы – живицы. Вот папа наш и был обладателем этой редкой профессии. Ему выделяли участок леса в несколько гектаров. А он должен был на соснах делать надрезы в виде галочек – одна под другой примерно по 10 штук, а под надрезами закреплял воронку, в которую и стекала эта самая живица, которая шла на производство канифоли. Потом эти заполненные воронки собирались, и смолу выливали в бочки, которые отправлялись по железной дороге. Трудностей и опасностей у этой профессии было великое множество. Во-первых, работа эта, как вы понимаете, в дремучем лесу, где без конца шастают дикие звери. У папы были не единожды встречи и с волка-

ми, и с медведями. Во-вторых, работа сезонная. Зимой ты ни из какой сосны, никакую живицу, никаким способом не выдавишь, а потому надо успевать сделать план, пока сосна способна ее отдать. В-третьих, в тайге, где работал папа, комары просто заедали так, что белый свет был не мил. А, в-четвертых, много зависит от удачи, какой участок леса тебе достанется. Потому как участок участку рознь. На одном могут расти одни сосны, а на другом, одни березы. И чтобы сделать один и тот же план кому-то, на участке с осинками и березками, приходится очень сильно побегать и помотаться, чтобы этот план осилить. Но как я уже говорила, папа наш был человеком настойчивым и упорным, а потому он всегда делал свой план, за что имел много похвальных грамот. Вот и получается, что папа работал в лесу, а семья наша проживала в городе. А отсюда были и редкие наши встречи.

Осознанное сближение с ним у нас было, когда я уже выросла. Мне было уже чуть больше 20 лет. И я решила познакомиться с ним. На тот момент мне казалось, что если он пройдет мимо меня, то я его даже не узнаю – настолько смутными были воспоминания о нем. Я написала ему письмо. Он ответил. Помню, что я была очень рада этому. Так у нас завязалась переписка. И вскоре он пригласил меня к себе и я, конечно же, поехала. Помню, что я чуть не проехала мимо его станции. Благо, что он замаячил в окне вагона. На тот момент у него уже была седая борода, хотя без нее он выглядел бы намного моложе. Он жил тогда с женщиной. В нашу

первую встречу она вела себя идеально и очень мне понравилась. Меня встретили пирогами и шаньгами. Но в следующий раз уже я поняла, что она очень равнодушна к алкоголю. Она и при мне не удержалась, и, не стесняясь меня нисколько, прилично так выпивала. Наш же папа никогда не был алкоголиком. Да, он мог выпить в компании по праздникам, но не так, чтобы каждый день и постоянно. Я поняла тогда, что жизнь с ней, с этой женщиной была для него тягостной. Было видно, что он не любил и не уважал ее. Многие говорят, что он всю жизнь был однолюбом и никого так и не смог больше полюбить, как нашу маму. Очень печально. Потому как эта любовь никого не сделала счастливым. Он был несчастен по-своему, а мама – по-своему.

Эта женщина уехала от папы, собрав все свои и его вещи и оставив его ни с чем. Когда он вернулся из своего любимого леса, то дом был абсолютно пустым. Вывезли все. Даже папину одежду и обувь. И теперь он у нас так и живет один. Со своей свободой и независимостью. Изредка его навещают ягодники и охотники из города, да соседи. Папу там уважают. Но он так уже привык к своей размеренной и отшельнической жизни, что кажется, что и там в его глуши люди досаждают ему общением. Он у нас какой-то волк – одиночка. Ему хорошо, когда он один. И похоже, что никто ему не нужен, не смотря на то, что он нужен другим. Так уж он у нас устроен.

Рождение детей

Сначала родилась желанная Наташа. Потом – желанный Андрюша. Мама очень хотела сыночка. И даже загадала, чтобы был мальчик, похожий на неё. Так и случилось! А потом родились мы с Димой – двойняшки-малыши. Мама поднимала и воспитывала нас одна. Без бабушек и нянюшек. Без других мужчин в доме... Мама никогда больше так и не выходила замуж. И уже потом, когда мы выросли, она говорила, что и подумать даже не могла о том, чтобы у нас мог появиться какой-то другой отец, еще какой-то «дядя», который бы ходил по дому, посапывал бы, и не дай, Бог, еще бы и помыкал нами. Вы можете сказать, что, мол, конечно же, при такой ораве ребятни никто бы и не осмелился посмотреть в мамину сторону, мол, испугался бы. Но скажу вам с уверенностью, что еще как бы и осмелился! И смотрели на маму еще как! Ведь все было при ней – и красота, и ум, и хозяйственность, и интеллигентность... Просто, по всей видимости, она сама пресекала любые отношения.

Главным маминым богатством и ее сокровищем, конечно, были мы. Первенцем, как я уже сказала, была наша Наташа или Наточка, как ласково звала ее мама. Наташенька родилась у нас так же, как и мама, в апреле, но четырьмя днями позже – прямо в день рождения вождя революции – 22 апреля, (1967 года). Она родилась очень крупненькой –

целых 5 кг. (Хотя из всех нас самая маленькая сейчас). Мама очень с ней настрадалась в родах и ее долго не выписывали из больницы. Хотя Наташа была готова к выписке уже на 2 или третий день после рождения – такая она у нас родилась здоровенькая да пригоженькая.

После купания в реке. Загородный парк.

В ясли раньше деток отдавали очень рано, поскольку у женщин был очень короткий декретный отпуск. И когда Наташе не было еще и годика, у нее в садике появилась температура. Мама зашла за ней в ясельки, а ей сказали, что Наташу увезли на «скорой» в больницу и положили в инфек-

ционное отделение. Маме не позволили лечь вместе с ней, и она в каждую свободную минутку бегала в больницу навещать свою малышку. И в очередной раз, когда мама пришла к Наташе, то увидела, что она настолько уже плоха, что даже и головку не может держать на плечах и не узнает маму, никак на нее не реагирует. Мама очень перепугалась, что совсем заколют и залечат бедного ребенка, что так она ее, чего доброго и потеряет с таким их лечением. Недолго думая, она быстро запеленала Наточку и «украдала» из больницы. На самом деле у Наташи и не было никакой инфекции, а просто резались зубки. И маме потом пришлось отвезти ее к бабушке, где ее и выходили своим молоком, без всяких лекарств. Вот так она спасла Наташе жизнь.

У нас сохранилось много фотографий, где маленькая Наточка и мама вместе. Я очень люблю эти замечательные снимки. Они все светятся любовью и маминой заботой. Мамуля на них такая счастливая!

А через 4 с половиной года, в ноябре 1971 года у родителей появился еще один малыш – сыночек Андрюша. Как я уже говорила, мама хотела сыночка, и Господь услышал ее. Андрюша родился хорошеньким и беленьким. Он с детства был у нас настоящим таким мужичком – спокойным, немногословным, некапризным. И умненьким. Мама в детстве много нам читала книжек со стихами Сергея Михалкова, Агнии Барто и прочими детскими авторами. Андрюша уже в 4 годика знал наизусть очень многие большие стихи, например, стих про Фому Сергея Михалкова он только так цитировал наизусть. Рассказывали нам, что примерно в этом возрасте он брал книгу в руки (и часто вверх тормашками), открывал на какой-нибудь страничке и водил пальчиком по буквам,

при этом громко декламируя стихи:

«В одном переулке стояли дома.

В одном из домов жил упрямый Фома»...

И кто не знал подвоха, то смело мог поверить в то, что такой малыш уже всю умеет читать. Но он просто обладал замечательной памятью и все схватывал на лету.

Андрюше 3 года и 4 месяца

Когда Андрюша был еще маленький, мама все пыталась накормить его своей клубникой с огорода. Но он никак не хотел ее отведать – выплевывал и все тут. Мама очень расстраивалась, что он никак не раскусит, какие же это вкусные ягоды. И вот однажды, когда он шел мимо этих ягодок в огороде (а клубника уже отходила и ее редкие красные ягоды хорошо выделялись издали), то увидел, как она аппетитно

краснеет. Он потянулся за ягодой, сам сорвал ее и съел. Наконец-то! Мама даже не стала его останавливать. И вот тут-то только он и раскусил, какой вкуснятиной его все время пыталась накормить мама. Но сезон ягод уже заканчивался. Все последние ягодки были его, и Андрюша уже не выплевывал их больше. Вот, что значит для мужчины – самому добыть и сорвать – сразу все кажется вкусным!

А через полтора года, в июле 1973 года, после Андрюши на свет появились еще и мы с Димой – «детки-конфетки», «малыши-карандыши», как часто называла нас мама. Надо сказать, что это «малыши» было с нами всю нашу жизнь, пока была жива мамочка. Хотя из всех детей как раз и «малыши» вымахали выше всех. Из нас двоих, конечно, первым родился Дима. Уж я пододвинулась и уступила красавчику дорогу.) Да и весовые категории у нас были уж слишком разные, так что я была не против чуть-чуть и подождать. И действительно чуть-чуть, потому как я появилась на свет через 5 минут после братишки. Состояние мамы было на тот момент очень критичное, давление высоким, и она чуть не умерла, когда нас рожала. Но Господь милостиво сохранил ее для нас, поскольку знал, что никому мы тогда не были нужны кроме нее.

И потом еще много было таких ситуаций, когда Господь спасал для нас нашу драгоценную мамочку. Однажды она чуть не утонула в море – ее стало уносить волнами далеко от берега. И каждая последующая волна все дальше и дальше

засасывала нашу маму. Она очень устала, борясь со стихией, а вокруг было много людей, и никто не обращал на нее никакого внимания. И только какой-то мужчина – слава Богу за этого человека! – услышал ее и протянул ей руку, помог ей, обессиленной, доплыть до берега. Нам тогда было еще лет по 10. Мама приехала и сказала, что могла бы и не вернуться совсем. И рассказала нам эту историю. И помню, что тогда я очень испугалась за нее, что могли бы больше ее не увидеть. Очень страшно для ребенка лишиться матери. И чем больше и нежнее они друг к другу привязаны, тем невосполнимее эта утрата.

С рождением двойняшек у нашей семьи появился новый статус – «многодетная семья». Он очень выручал нас в те советские времена. Была скидка на путевки в пионерские лагеря, и еще кормили бесплатно в школьных столовых. Хоть какая-то, да помощь нашей маме.

В то дефицитное время, когда мы родились, встал острый вопрос с приобретением двухместной коляски. Это было дело непростым. Мама долгое время ее искала. И нашла. Большую, голубенькую. Купила с рук, потому как в магазине таких вещей было не найти – очень редкое явление, нестандартное. А нестандартностей Советский Союз не очень-то и жаловал. Однажды, когда мама была с нами на прогулке, у коляски сломалось колесо. Как выяснилось потом, оно и было уже сломанным, заделано проволокой, но об этом никто не знал, кроме продавцов, уверявших, что коляска как

новенькая. Мама рассказывала, что ей пришлось на себе тащить нас вместе с коляской. Она тогда сильно сорвала себе спину, и «чуть не осталась без рук», потому как идти надо было очень далеко, неся нас и коляску в придачу в каждой руке.

Наша дружная семейка. Верхотурье.

После нашего рождения мама вернулась в свой маленький флигелек на улице Тургенева. Я не сказала, что на тот момент мы все жили в небольшом провинциальном городишке на севере Свердловской области – в городе Серове. Вот именно там мы все и родились, там и прошло наше детство, юность и у кое-кого даже и молодость. На тот момент маме выделили небольшой домик, как мама звала его – флигелек. Мама очень любила этот домишко, с его небольшим огоро-

диком и очень плодоносной клубникой. Она рассказывала, что с двух квадратных метров клубники снимала несколько ведер ягод. Угощала ими всю соседнюю детвору, наварила варенья и еще все успевали этими ягодами наесться. Вода в доме была приносная, дрова – тоже. И судите сами, сколько же забот было у нашей мамы с четырьмя малолетними детьми. Наташе – 6 лет, Андрюше – полтора. Да еще мы с Димой на пару. А кроме этого – свой дом: воду принеси, дрова накопи, в огороде полей и прополи. И все одна. Не было никого, кто бы мог быть для нее надежным помощником. Папа на тот момент уже жил и работал в лесу вздымщиком, а потому в семье появлялся эпизодически. Он никогда так и не смог полюбить города.

Дими-Тани. 1.8 года.

Те, кто поднимал своих детей без посторонней помощи, те смогут понять, что это значит. Свой неблагоустроенный

дом и куча ребятишек. Мы с Димой были очень голосистые – нечета двум старшим детям. Мучение маме было с нами. Дело в том, что еще в роддоме, когда мама лежала в тяжелом состоянии, нас избаловали бутылочными сосками – с очень большими дырками. А потом мама вернулась домой, а там и выяснилось, что мы уже не хотели трудиться над грудью – нам, видите ли, подавай побыстрее и побольше – бутылочку, когда молоко само из соски льется. Как мама с нами не воевала, мы наотрез не хотели сосать грудь. Вот ведь какие «кильки» противные! А молока у мамы своего было много – на двоих ведь Бог дал. Совсем недолго мы им воспользовались, к сожалению. Насколько я поняла, что потом мы так и стали бутылочными детьми.

Оба мы родились доношенными по весу. Дима-то вообще бутуз крепкий родился – 3200, а я поменьше – 2100. Ну девочка все же, мне положено быть миниатюрнее. Мама рассказывала, что в роддоме работала тогда наша соседка – врач. И она «положила глаз» на нашего Димульку – такой уж он крепенький да хорошенький родился. И она несколько раз подходила к маме и выпрашивала у нее Диму, мол, отдайте мне его, а то у меня девочка, а нам так надо мальчика. У вас ведь их вон сколько, вам и так хватит... «А тебя» – говорила мама про меня, – «никто не выпрашивал, ты была такая маленькая! Голова с мой кулак, что я все переживала за тебя. А сейчас посмотри, какая ты у меня крепкая!» И то верно – Господь ни силой, ни здоровьем не обделил!

Так и вышло, что эта наша соседка, конечно же, ушла ни с чем! «Еще чего! Еще не хватало, чтобы я своими детьми раскидывалась!» – говорила мама с гордостью. А врач эта жила в соседнем доме, и я всякий раз, когда я видела ее, то вспоминала эту мамину верность своим детям. «Да как это бы я видела своего родного ребенка и мимо него ходила?! Да и вы бы, малыши, в миг бы друг друга бы раскусили. Поскольку вы ведь почти одно целое и вас нельзя разделять». И мама рассказала историю о том, как разделили двух близнецов, а они, не зная о существовании друг друга потом все-таки встретились, да еще и влюбились друг в друга... Поэтому мамуля никогда нас и не разделяла. В садик – вместе, в школу – в один класс, и за одной партой часто сидели. И вообще везде по жизни всегда были вместе. Я, когда ходила в садик, то с гордостью всем заявляла: «Мы с братом – дворняжки!» И действительно, какая мне на тот момент была разница – быть двойняшкой или дворняжкой, лишь бы вместе!))

Сейчас я могу лишь догадываться, как мама с нами уставала. У моих хороших знакомых тоже двойняшки. Так они со всем арсеналом бабушек так сильно устают... Как же тяжело было мамуле без помощников. Но она никогда нам не жаловалась. Наоборот, она даже говорила, что мы у нее были хорошими детьми, послушными. Я так думаю, что объяснение всему – ее безграничная любовь ко всем нам, которая и давала ей и сил, и терпения.

Наточка

Чтобы понять, какие отношения у нас складывались друг с другом, хочу подробнее написать о каждом из нас.

На крылечке дома по улице Тургенева.

Наточка. Думаю, что ей очень не хватает этого чудесного имени, каким ее называла только мамочка. Никто из нас не осмеливается называть ее «Наточкой». Уж и не знаю по-

чему. Может быть, именно потому, что это была прерогатива только мамы. Для меня моя старшая сестра именно Наташенька.

Она всегда была особым ребенком. Господь очень правильно и мудро распределил именно ей быть старшей в нашей семье. Это было для мамочки огромным облегчением и поддержкой, благословением Неба! Она с самого детства была у нас ответственной, серьезной и надежной. Не по годам. Если мамы не было дома, то все твердо знали, что Наташа – за главную. Авторитет был железный. Помню, что как-то, когда мама была на работе, за мной зашла подруга погулять. Я стала отпрашиваться у Наташи. Она спросила: «А ты уроки сделала?» «Нет», – ответила я. «Ну тогда какая может быть прогулка?» Подруга была очень удивлена, что меня не отпустила гулять не мама, а сестра, а я послушалась.

– Ну так и что, что не отпустила, – говорила она, – она ведь не мама, а всего лишь сестра, давай пойдем гулять.

Но я и в мыслях себе не могла представить, как могу послушаться Наташу, которая у нас была главной после мамы. Наташенька была у нас и нянькой, и врачом, и массовиком-затейником, и поваром в мамино отсутствие. Она придумывала разные интересные мероприятия, чтобы развлечь нас или поздравить маму с каким-то праздником. Очень многое доброе я перенимала от нее, буквально копируя ее почерк, ее рисунки или что-то еще. Повторюсь, что разница

у нас с ней была в 6 лет. И с нее всегда больше спрашивалось, чем с нас. И часто ей приходилось отдавать отчет не только за себя, но и за нас. Наверное, такова участь всех старших детей, особенно в многодетных семьях. Мы, младшие, были более расхлябанные что ли, и менее ответственные, чем она. К нам относились менее строго и больше поблажек нам давали. Но никогда я не чувствовала с Наташиной стороны ни обиды, ни упрёка, а только искреннюю любовь и заботу нашей «второй мамы».

Помню, как она защищала нас в пионерском лагере от обижающих нас детей, как перевязывала мне на коленке рану, когда я ее сильно расшибла. И во всем этом была какая-то надежность рядом с ней. И оно до сих пор так. Она очень многое переняла от мамочки – гостеприимство, житейскую мудрость, самоотверженность, заботу (которая порой перерастает в сверхпереживательность), ответственность, целеустремленность, умение вкусно готовить, тактичность, интеллигентность и отличный вкус ко многим вещам. Она, как и когда-то мама, живет по принципу: «мы не настолько богаты, чтобы покупать, что попало». Если приобретает какую-то вещь, то обязательно хорошего качества, изящную, практичную и оригинальную.

Очень много моих детских воспоминаний связано с Наташенькой. Помню, как иногда мы в мамино отсутствие устраивали встречу со «Снежной королевой». Наташа брала кого-то одного из нас и красила его гримерными красками, а потом наряжала так, что получалась Снежная королева. В ход шли разные шторы, тюли и занавески. А один из нас ждал за дверью и потом он должен был разгадать, кто же замаскирован под Снежную королеву. Забавно было увидеть Андрея или Диму разукрашенных и разодетых. А еще Наташа как-то придумала всем нам поменяться одеждой. Де-

вочки одели одежду мальчиков, а мальчики – девочек. Помню, что тогда мы с нетерпением ждали маму с работы, чтобы показаться ей во всей своей красе. Опять же было смешно смотреть на братишек в платьях. Но мама как-то не оценила тогда нашего шутовства, и мы быстро переоделись обратно.

Наташа помогла нам понять, как надо заботиться о маме. И была нам в этом примером. Мы вместе с ней, а потом уже и без нее, когда она уехала из дома, стряпали маме на праздники торты. Стряпали в мамино отсутствие, когда она была на работе, а утром ей потом дарили. Наташа научила нас, что открытки для мамы должны быть самые лучшие, самые красивые. Она была главной маминой помощницей, когда жила дома – мыла полы, стирала и заботилась обо всех.

Фотография со школьной доски почета.

Наташа придумывала разные инсценировки, которыми мы потом поздравляли маму. Это могли быть какие-то песни с движениями, какие-то сценки или стихи. Получались своего рода небольшие семейные концерты. Было забавно и приятно, когда мамуля смеялась. Я до сих пор помню, как мы репетировали все это в мамино отсутствие, а потом показывали ей целое представление. Иногда было, что в сценках я что-нибудь перепутывала и вместо того, чтобы спросить у «очереди»: «Кто последний? Я за вами!» Я говори-

ла: «Кто первый? Я за вами!» Помню, что мама так заливи-сто смеялась, когда я так перепутала слова и «пристроилась» в очереди второй, вместо того, чтобы быть последней. Так и звучит у меня в сердце этот удивительный, необыкновенный мамочкин смех...

Именно Наташе пришла в голову как-то мысль поздравить маму с Днем учителя по радио. Помню, что мы совместными силами, разными почерками написали на передачу письмо, какая хорошая у нас мама. Мы попросили исполнить для нее песню Валентины Толкуновой «Нет без тревог ни сна, ни дня», которая нравилась мамуле. И вы знаете, наш заказ выполнили. К сожалению, никто из нас, включая и маму, этого не смог услышать, но в один из дней мама вернулась из школы и рассказала, что ей сообщили родители учеников, как слышали, что ее поздравляли по радио и пели для нее песню. Мы были очень рады этому! Конечно же, мы открыли ей свой секрет, и мамочка была очень приятно удивлена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.